K27 7/32

К 97 Г/32

С. М. Парійскій.

НИЖЕГОРОДЕЦЪ
КУЗЬМА МИНИНЪ СУХОРУКЪ
ВЫБОРНЫЙ ВСЕЯ ЗЕМЛИ
и
Нижегородцы въ 1611 году.

ИЗДАНІЕ
Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.
1911.

3879 М
21-II-1929

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ
Типо-Литографія „Нижегородское Печатное Дѣло“.

Въ 1911 году исполняется 300-лѣтіе
вобожденія Москвы, а съ нею и Руси
ъ поляковъ, шведовъ и смуты.

Въ 1611 году ополченіе сѣверныхъ
ластей нашей родины двинулось изъ
Новгорода на спасеніе Россіи. Страна
слѣ многихъ годовъ смуты пришла
полное разстройство: никакой верхов-
й власти не стало, Москвою владѣли
ляки, всюду бродили шайки разбой-
ковъ и лиходѣевъ,—торговля и про-
шленность остановились, наступила
лная „разруха“. Не мирились русскіе
ди съ такимъ положеніемъ, а перво-
итель русской церкви патріархъ
моген и братія Троице-Сергіевой
ры своими грамотами призывали рус-
хъ людей ополчиться на защиту ро-
ы. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ

попытокъ спасти Москву, а съ нею
родину,—по зову Нижегородцевъ вс
области Россіи объединились, освободил
Москву и Русь отъ враговъ, возстан
вили государственный порядокъ и един
душно избрали „всею землею" царем
Михаила Ѳеодоровича Романова 21-
февраля 1613 года.

Во главѣ Нижегородскаго движен
стояли Кузьма Мининъ Сухорукъ, Спа
скій протопопъ Савва Ефимьевъ и кня
Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.

Первому изъ нихъ—Кузьмѣ Мининy
Нижегородская архивная коммиссія и
свящаетъ настоящую брошюру.

Ред.

СМУТНОЕ, тяжелое и опасное время переживала Русь триста лѣтъ тому назадъ: царскій родъ Рюрика со смертью Ѳеодора Іоанновича, сына Іоанна Грознаго, прекратился въ 1598 г., вновь избраннымъ царемъ Борисомъ Годуновымъ не всѣ были довольны, появляются самозванцы, иноземцы-поляки и шведы разоряютъ русскую землю, поляки захватываютъ даже самую Москву, хотятъ своего королевича поставить на русскій престолъ, а русскіе люди „измалодушествовались“,—крамольничаютъ

бояре, споривше за власть, — бунтуютъ и разбойничаютъ крестьяне,—хозяйничаютъ бездомные и безземельные казаки. Гнетутъ иноземцы и грабятъ невинный народъ, а измѣнники имъ потворствуютъ, да дружатъ съ ними.

Есть, правда, и добрые люди, любятъ они русскую землю. Стоятъ они за свою землю и за народнаго государя, страдаютъ за русское дѣло, да мало ихъ, не подъ силу имъ одолѣть враговъ, своихъ и чужихъ.—Собралъ рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ народное ополченіе, повелъ его освобождать Москву отъ поляковъ, да убили его казаки—измѣнники Распалось народное ополченіе.—Одинъ остался страдалецъ за русскую землю—патріархъ Гермогенъ,—пишетъ

онъ грамоты по городамъ, призываетъ онъ русскій народъ соединиться, выгнать поляковъ изъ Москвы и избрать народнаго государя,— да сидитъ патріархъ въ неволѣ у поляковъ, мучаютъ они его, голодомъ морятъ, оскорбляютъ и умираетъ онъ въ темницѣ съ благословеніемъ на устахъ для истинныхъ сыновъ родины и съ проклятіемъ на враговъ и „окаянныхъ московскихъ измѣнниковъ".

Нѣтъ вождя у народа, нѣтъ вокругъ кого собраться. Одна надежда на Бога. Не подастъ Господь своей помощи — пропадетъ вся земля. Упованіе на чудесную помощь свыше, молва о видѣніяхъ, переходитъ изъ устъ въ уста. Много пророчествъ носилось въ народѣ,—народъ смутно ждалъ луч-

шихъ временъ въ эту годину бѣд
ствій и испытаній.

Кромѣ того народъ понималъ
что нужно избрать царя, ибо нѣт
царя — нѣтъ и Москвы, нѣтъ
Руси, нѣтъ порядка, нѣтъ единства
нѣтъ и счастья. Царь—священны
помазанникъ Божій, осѣненный осо
бою его благодатію, съ нимъ мир
и правда, въ немъ Русь и народъ

И вотъ, когда Москва была в
рукахъ поляковъ, когда должн
была выбирать между самозван
цами и иноземнымъ царемъ, кого
передается она Владиславу, сын
польскаго короля Сигизмунда, ко
да Русь постигла полная „разр
ха“, изъ Нижняго-Новгорода
Волгѣ раздается призывъ къ осв
божденію. Поднимаетъ на освобо
деніе Москвы населеніе Кузь

Мининъ Сухорукъ и народъ встаетъ какъ одинъ человѣкъ, отдаетъ себя подъ начало одного человѣка, освобождаетъ Москву и спасаетъ Русь.

Вотъ какъ описываютъ намъ лѣтописцы „Спасителя Отечества“, какъ назвалъ Кузьму Минина Великій преобразователь Россіи Петръ I.

Мининъ человѣкъ благочестивый, „живый благочестивымъ житіемъ, въ цѣломудріи и прочихъ добродѣтелехъ животъ свой препровождая“, „смысломъ мудръ“.

По занятіямъ онъ былъ „говядарь“ „продавецъ мясу и рыбы въ требованіе людемъ“. Жилъ онъ въ Нижнемъ, въ Благовѣщенской слободѣ, у церкви св. Іоанна Предтечи. Былъ у Минина и другой домъ въ Нижнемъ, „за городомъ (т. е.

внѣ Кремля, на посадѣ) на Никольской сторонѣ надъ Почайною".

Среди горожанъ пользовался Кузьма Мининъ большимъ уваженіемъ и нижегородцы „всѣмъ градомъ избраша его въ земскіе старосты и предаша ему строеніе всего града, да исправляетъ и разсуждаетъ земскія дѣла, росправы, яко же обычай есть", а другой лѣтописецъ поясняетъ, что Мининъ былъ въ то время „начальникъ судныхъ дѣлъ во братіи своей, рекше посадныхъ людей въ Нижнемъ-Новѣградѣ".

Глубоко волновали его бѣдствія земли и не разъ, можетъ быть, онъ просилъ Господа о помощи своей бѣдной родинѣ, безсонныя ночи проводилъ онъ въ глубокой, неотвязной думѣ о томъ „како из-

бавитися отъ Латинскаго насилія и граду Москвѣ учинити помощь".

Да и не одного Минина тревожили эти бѣдствія, — мысль объ освобожденіи Москвы все больше и глубже задѣвала и захватывала нижегородцевъ и лѣтописецъ отмѣчаетъ это, когда говоритъ, что „въ Нижнемъ-Новѣградѣ людіе тамо сущіи отъ Бога вразумишася: сошедшеся бо начаша совѣтовати... И по мнози дни сіе совѣщаша' како имутъ творити".

Происходили частыя совѣщанія и на этихъ совѣщаніяхъ часто выступаетъ Кузьма Мининъ. Лѣтописцы, указывая, что нижегородцы „по многи дни, т. е. часто, сіе совѣщаша", описываютъ намъ болѣе подробно нѣсколько такихъ совѣщаній и указываютъ, гдѣ и какъ происходили эти совѣщанія.

Прислалъ изъ неволи патр. Гермогенъ въ „свой любезный Нижній-Новгородъ“ грамоту съ безстрашными людьми Родіономъ Мосѣевымъ и Ратманомъ Пахомовымъ, чтобы „стояли крѣпко въ вѣрѣ и чтобъ отнюдь на царство проклятаго сына Маринкина не сажали“ и о томъ же писали бы въ Казань и другіе города. Грамота эта была получена въ Нижнемъ 25 августа 1611 года и произвела сильное впечатлѣніе на нижегородцевъ.

Кузьма же, „познавъ начало Божія промысла и положивъ упованіе на Бога и на преподобнаго Сергія, который, „явися ему, спящу во храминѣ, повелѣвая ему казну собирати и воинскихъ людей надѣляти и итти на очищеніе Московскаго государства, начатъ умъ свой простирати на дѣло Божіе“.

Сталъ, говоритъ лѣтописецъ, Кузьма посредѣ собранія, вѣроятно, посадскихъ людей, среди своихъ выборщиковъ, „глаголя предъ всѣми въ земской избѣ“, стоявшей около церкви св. Николая Чудотворца, „въ торгу (на Нижнемъ базарѣ), и идѣже аще обрѣташеся, со слезами плача и рыдая: Московское, рече, государство и прочіе грады большіе и меньшіе всѣ разорены были отъ безбожныхъ и людіе благородніе отъ вельможъ и до простыхъ вси посѣчени быша, жены и дщери ихъ предъ лицемъ ихъ опозорени и въ плѣнъ ведоми быша и немочно тоя бѣды изглаголати. Якожъ слышимъ, и нынѣ Москва и прочіи гради одержими отъ еретикъ и одолѣша поганіи мало не всю землю Россійскую. То-

лико благодатію Божіею градъ на
единъ Богомъ хранимъ и пребы
емъ яко безбоязненніи; а враги
ши Поляки и Литва, съ ними жъ
Рустіи крестопреступники, яко с
рѣпіи волцы, зіяюще усты свои
хотяще расхитити насъ, яко ов
неимущихъ пастыря, и градъ на
разоренію предати; мы же о се
ни мало пекущеся и промыслу
чинимъ. Мнози же слышавше
приходити во умиленіе начаш
прочіи же ругающеся отходяще"

Различно приняли нижегор
цы слова Минина, одни приходи
„во умиленіе", „сладцѣ внимаш
а другіе „ругающеся отхождаш
Старикамъ не по сердцу была рѣ
земскаго старосты, а „юнніи"—м
лодежь обсуждала его призы
„Что въ нашемъ богатствѣ, го

рили они, придутъ враги и погра-
бятъ его, какъ сдѣлали они въ
другихъ городахъ. Соберемъ луч-
ше это богатство на содержаніе
ратнымъ людямъ и если бы нашел-
ся человѣкъ честный, кому рат-
ное дѣло за обычай, то со слезами
его просить, да будетъ намъ на-
ставникъ, и во всемъ предать себя
на его волю. Мы готовы за избав-
леніе христіанской вѣры главы своя
положити".

Любъ былъ нижегородцамъ со-
вѣтъ своего старосты и „начаша
изыскивати", начали думать, совѣ-
щаться, обсуждать положеніе дѣла
и приговоръ всего града за рука-
ми (за подписью) устроиша, иже
во всемъ Козмы слушати и Козмѣ
той приговоръ на себя даша."

Приговоромъ опредѣлялся осо-

бый сборъ—„пятая деньга“— „на строеніе ратныхъ людей“, и произвести такой сборъ поручалось Минину. Такъ починъ народнаго ополченія на освобожденіе Москвы принадлежалъ нижегородской тяглой посадской общинѣ, а въ средѣ этой общины — ея земскому старостѣ Кузьмѣ Минину.

Начало было положено, за посадскими людьми пошли и другіе „всякіе люди“ Нижняго и Нижегородскаго поволжья.

Въ октябрѣ того-же 1611 г. пришла въ Нижній грамота Троице-Сергіева монастыря „да изыдутъ на заступленіе Московскаго государства“. Въ Нижнемъ „паки, снова начаша мнози во умиленіе приходити, крѣпко за се вземшеся и начаша *всяко мыслити*“, опять

совѣщаться и обсуждать, „како и какимъ обычаемъ да подадутъ помощь Московскому государству".

По полученіи троицкой грамоты „нижегородскія власти на воеводскомъ дворѣ совѣтъ учиниша". На совѣтѣ были „Ѳеодосій, архимандритъ Печерскаго монастыря, Савва, Спасскій протопопъ съ братіею, да иные попы, да Биркинъ (стряпчій), да Юдинъ (дьякъ), и дворяне, и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ-же и Кузьма Мининъ". Совѣтъ рѣшилъ оповѣстить о грамотѣ всѣхъ нижегородцевъ, почему „наутріе", на слѣдующій день соборный колоколъ созываетъ горожанъ въ церковь; многіе „чудяхуся", были удивлены этому звону, „не воскрес-

ный бо день" и шли въ соборъ. Послѣ обѣдни протопопъ Савва „предъ святыми вратами" прочиталъ троицкую грамоту и обратился къ народу съ слѣдующею рѣчью: „Увы, намъ, господіе чада мои и братія, увы намъ! Се бо пріидоша дни конечныя гибели; погибаетъ Московское государство и вѣра православная гибнетъ. О горе намъ! О лютаго обстоянія! Польскіе и литовскіе люди въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ умысли Московское государство раззорити и непорочную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь обратити. И кто не восплачетъ здѣ, братія! Кто же не источитъ источницы слезны отъ очей своихъ. Грѣховъ ради нашихъ попущаетъ Господь врагомъ нашимъ возноситися! Увы

намъ, братіе мои и чада,—благокрасный бо градъ Москву оные еретики до основанія раззорили и людей его всеядному мечу предали. Что сотворимъ, братіе, и что возглаголемъ? Не утвердимлися въ соединеніи и не станемъ ли до смерти стояти за вѣру христіанскую чисту и непорочну и за святую соборную и апостольскую церковь, честнаго Успенія и за многоцѣлебныя мощи Московскихъ чудотворцевъ?"

Посемъ „отслуженъ былъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, „да подастъ ГосподьБогъ побѣду христіаномъ". „И по часту, добавляетъ лѣтописецъ, схожахуся совѣтоватися, что убо сотворятъ".

Кузьма же „возопи ко всѣмъ людемъ велегласно", чтобы всѣ

слышали, говорилъ нижегородцамъ: „буде намъ похотѣть помощи московскому государству, то намъ не пожалѣти животовъ своихъ, своего достоянія; да не токмо животовъ своихъ и дворы свои продавать и жены и дѣтей закладывать и бити челомъ, чтобы кто вступился за истинную православную вѣру и былъ-бы у насъ начальникомъ“.

Всѣ единодушно отвѣчали Минину: будь такъ, будь такъ.

Начался единодушный сборъ пожертвованій среди нижегородцевъ на ратныхъ людей: одни отдавали „по пожитку и промыслу“, а другіе послѣднее жертвовали „для великаго земскаго дѣла“. — Кузьма Мининъ первый „собою начатъ“ пожертвованія на ратныхъ, „мало себѣ нѣчто въ дому своемъ оста-

вивъ, а то все житіе свое, все свое имущество положивъ на строеніе ратныхъ людей. И также и прочіи гости и торговые люди приносяще казну многу".

Пришла, между прочимъ, одна вдова и сказала: „осталась я послѣ мужа бездѣтна, и есть у меня двѣнадцать тысячъ рублей, изъ нихъ десять отдаю, а себѣ оставляю двѣ".

Кузьма Мининъ, какъ „выборный человѣкъ", которому данъ былъ приговоръ за руками, „нижегородскихъ посадскихъ торговыхъ и всякихъ людей окладывалъ, съ кого что денегъ взять, смотря по пожиткамъ и по промысломъ, и въ городы, на Балахну и на Гороховецъ, послалъ же окладывать", дѣйствуя иногда не однимъ только

уговоромъ, убѣжденіемъ, но и „с
нужею“, —принужденьемъ: „уж
волю вземъ надъ ними по ихъ при
говору. съ Божіею помощію
страхъ на лѣнивыхъ налагая“.

Собравъ „казну многу“, ниже
городцы стали собирать и войск
не только изъ предѣловъ Нижняго
но и изъ другихъ мѣстъ. Нижегород
скія власти приглашали изъ пони
зовыхъ городовъ ратныхъ люде
„со всею службою идти въ Ниж
ній“, а изъ Нижняго подъ Москв
„для очищенія Московскаго госу
дарства“. Воеводою надъ всѣми эти
ми дружинами нижегородцы всѣм
городомъ избрали „военачальник
искусна во бранѣхъ“ стольника кня
зя Дмитрія Михайловича Пожар
скаго, извѣстнаго своимъ муже
ствомъ и ревностью ко благу оте
чества.

Такъ образовалось и развивалось городское движеніе **въ Нижнемъ-Новгородѣ**, которое очень быстро сдѣлалось **областнымъ**, **низовскимъ**, а потомъ и **общерусскимъ общенароднымъ**, потому что нижегородцы, во главѣ съ Пожарскимъ и Мининымъ, разсылали повсюду грамоты, призывая соединиться для общаго дѣла, выгнать поляковъ изъ Москвы и выбрать новаго Государя, „кого намъ Богъ дастъ". И ополченія многи **„поидоша изо всѣхъ городовъ"** въ Нижній.

Въ концѣ марта 1612 г. ополченіе съ Пожарскимъ и Мининомъ двинулось черезъ Ярославль въ Москву, куда и прибыло послѣ многихъ задержекъ и препятствій въ Москву въ августѣ того же года

Лѣтописцы, описывая трудную,

тяжелую борьбу ополченія съ поляками подъ Москвою, между прочимъ, указываютъ, какъ во время рѣшительнаго сраженія съ поляками подъ стѣнами кремля 23 августа 1612 г. Мининъ способствовалъ побѣдѣ русскихъ надъ врагами. Вотъ это указаніе: Съ начальникомъ польскимъ (Гетманомъ) Ходкѣвичемъ, припедшимъ на помощь осажденнымъ въ Кремлѣ полякамъ былъ бой большой. Большой надежды на успѣхъ не было ни въ комъ. Всѣ крѣпко молились, полагаясь лишь на милость Божію. День склонялся къ вечеру. „Богъ же услыша вопль призывающихъ Его съ вѣрою и посла свыше помощь сицеву: немощнаго и ратному дѣлу неискуснаго Богъ охрабри Нижегородца Кузьму Минина,

отъ него же первѣе начася таковое собраніе (это ополченіе) ради спасенія и очищенія государства... Той Кузма, пришедъ ко князю Пожарскому, прошаше у него людей, хотяше самъ идти битися; онъ же вопроси его, колико требуетъ; Кузма же малыхъ людей взя, единого ротмистра Хмѣлевскаго да дворянъ три сотни". Противъ Крымскаго двора (церковъ Іоанна Воина) стояли двѣ гетманскіе роты, конная и пѣшая. Кузьма, переправясь за Москву рѣку, „съ великою прыткостью" напалъ на эти двѣ роты. Послѣднія дрогнули и побѣжали. Тогда засѣвшіе въ ямахъ и крапивахъ наши ратные, услыша крики битвы и увидя, что Кузьма гонитъ поляковъ, „вси во единъ часъ, отъ всѣхъ мѣстъ", гдѣ скры-

вались, повскакали, какъ одинъ человѣкъ и ринулись на гетманскіе таборы. „Гетманъ же съ людьми своими“ не выдержалъ, „абіе престрашися и вся оставивъ... отложивъ надежду... отъиде“... а на разсвѣтѣ совсѣмъ ушелъ отъ Москвы чрезъ Воробьевы горы.

Послѣ двухмѣсячной упорной борьбы съ поляками и осады Москвы, народное ополченіе 22 октября 1612 года (штурмомъ) приступомъ взяло Китай-городъ, а 26-го вступило въ Московскій кремль.— Москва была освобождена, а съ нею спасена и Русь.

Оставалось выбрать царя, „по Божію изволенію“.

Въ избраніи Государя участвовала чрезъ своихъ выборныхъ вся Россія,—участвовали и Нижегородцы.

Избирательную грамоту 1613 года подписали слѣдующіе выборные Нижняго: Савва, протоіерей Спасо-Преображенскаго Собора, посадскій Самотка Богомоловъ, стрѣльцы Яковъ Ульяновъ и Ѳедоръ Княжегородскій,—послѣдній приложилъ руку и за брата своего, Нижегородскаго стрѣлецкаго сотника Степана Княжегородскаго. Кромѣ этихъ выборныхъ грамоту подписали--Ѳеодосій, архимандритъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря, и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.—Замѣчательно, что „жители Нижняго, положившіе начало спасенія Россіи, подписали эту грамоту спасенія въ концѣ".

Единодушный выборъ земскаго собора, созваннаго изъ выборныхъ

всей земли съ этою цѣлью, палъ
21 февраля 1613 года на Михаила
Ѳеодоровича Романова, родона-
чальника благополучно царствую-
щаго до нынѣ благословеннаго
дома Романовыхъ.

„Тако, заключаетъ лѣтописецъ
благимъ добронравіемъ своимъ, ак
солнечнымъ лубовнаго луча свѣ
томъ, Кузьма Мининъ Сухоруковъ
военачальники совокупи, и всѣхъ
храбрыхъ благочестиваго воинства
собра. И тако Содѣтельнымъ про-
мысломъ всесильныя же Его и не-
побѣдимыя десницы крѣпостію
воеводствомъ разгнашася темныя
облацы толикихъ великихъ належа-
щихъ золъ".

Во время вѣнчанія Михаила Ѳео-
доровича на царство Кузьма Ми-
нинъ былъ пожалованъ въ думны

дворяне, а князь Пожарскій въ думные бояре. Кромѣ этого Кузьма Мининъ былъ пожалованъ въ вѣчное владѣніе „селомъ Богородскимъ, съ деревнями, съ пустошами и со всѣми угодьями“,—получилъ домъ въ кремлѣ, около Спасо-Преображенскаго собора, „на мѣстѣ государевѣ“

Остатокъ дней своихъ Мининъ пользовался большимъ довѣріемъ при царскомъ дворѣ, прожилъ не долго, скончался около 1615 г. и погребенъ въ Нижегородскомъ Спасскомъ соборѣ.

Потомство Кузьмы Минина прекратилось со смертью сына его Нефедья около 1632 г.

Село Богородское съ деревнями, оставшееся послѣ смерти Нефедья Минина вымороченымъ, по-

ступило въ казну, послѣ было пожаловано князю Черкасскому, а затѣмъ перешло къ Шереметьевымъ.

Подвигъ знаменитаго Нижегородца Минина и даже его могила долгое время были въ забвеніи. Только черезъ столѣтіе, пишетъ изслѣдователь Нижегородской старины П. И. Мельниковъ, подвигъ этого великаго человѣка оцѣненъ былъ по достоинству. Въ Нижнемъ, въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ 30 мая 1722 года, служилъ архіерей Питиримъ обѣдню. На правомъ клиросѣ съ пѣвчими стоялъ мужчина гигантскаго роста, прекрасный собою Ему было тогда ровно 50 лѣтъ. Онъ самъ пѣлъ, самъ громкимъ голосомъ читалъ апостолъ.

Отошла обѣдня, и онъ спросилъ: „Гдѣ похороненъ Мининъ“? Мѣсто было показано, и онъ палъ ницъ предъ гробницею, промолвивъ: **„Здѣсь лежитъ спаситель отечества“.** Это былъ—Петръ Великій“.—

Въ Москвѣ, на Красной площади, и въ Нижегородскомъ кремлѣ „спасителю отечества“ Кузьмѣ Минину и его достойному сподвижнику князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому поставлены на память потомству памятники, а могилы ихъ—Пожарскаго въ Суздалѣ и Минина въ Нижнемъ дороги для каждаго русскаго человѣка, какъ доказательства **великой, горячей любви къ Родинѣ.**

Памятуя славныя дѣла Нижегородца—выборнаго человѣка Кузь-

мы Минина Сухорука и сподвижника его боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, скажемъ вмѣстѣ съ лѣтописцемъ: „и за то имъ здѣсь слава, а отъ Бога мзда и вѣчная память, а душамъ ихъ во ономъ вѣцѣ неизреченная свѣтлость, яко пострадали за православную христіанскую вѣру и кровь свою мученически проливали. И на память нынѣшнимъ родомъ во вѣки Аминь".